

НИКОЛА АБРАМОВ/ИТ

В эти дни в Большом зале консерватории Тарусский фонд Святослава Рихтера проводит цикл из трех концертов, посвященных памяти великого пианиста, умершего в прошлом году. 20 марта, в день рождения Рихтера, на сцену БЗК выйдут Наталия

Путман и Виктор Третьяков. Вчера в память о Рихтере выступали дирижер Курт Мазур и пианистка Елизавета Леонская (об этом концерте мы расскажем на следующей неделе). А открывали маленькой мемориальный цикл хор, оркестр и солисты театра «Новая

Музлитература памяти Рихтера

Евгений Колобов исполнил «Реквием» Моцарта

опера» во главе с Евгением Колобовым. В программе стояло только одно произведение — «Реквием» Моцарта.

Труппе театра оно хорошо знакомо, поскольку звучит, хотя не целиком и в разборку, в спектакле «О, Моцарт, Моцарт!» — звучит в иллюстрацию слов «Слушай же, Сальери, мой Requiem». Не было сомнений, что оркестр и хор, которыми по праву гордится «Новая опера», способны явить злощастный шедевр и как таковой с академической сцены. Зная уровень сил и принимая во внимание повод исполнения, можно было ожидать даже большего — но, если не считать слегка скребучего тембра скрипок, криминала в предьявленном варианте не было. Оказались неплохи солисты: лучше всех пела сопрано Эльвира Хохлова, легко и проникновенно. Альту Надежды Сердюк не хватало легато, легкости и слитности; тенор Марат Гареев не смог до конца освободиться от присущей его тембру жесткости, к тому же начал по-разному на разных гласных; бас Айк Мартиросян был не слишком пластичен, но точен; в ансамбле же все звучало грамотно настроенным квартетом.

Харизма Евгения Колобова не торжествовала в этот вечер столь очевидно, как всегда. В проникновенных эпизодах он был будто

лишь взволнованным свидетелем печальных событий; его жест отступал, провожал, утешал, напутствовал, гладил по челу и ланитам. В моментах патетических дирижер проявлял себя, можно сказать, сдержанно — к этому обязывал мемориальный повод и портрет усопшего на сцене. С другой стороны, в строгой партитуре Моцарта и негде особенно раз вернуться романтическому пылу; и Колобов ограничился тем, что можно было назвать гуманистическими штампами. Он впечатляющее ввел *Dies irae* «аттаккой» после первой части, так же звучно огласил хоровой *Rex tremendae*, проиграл эмоциональными контрастами в *Confutatis*, разобрал на отдельные вздохи *Lacrimosa*, дохнул кладбищенским звуком низкой трубы, а затем развернул звучание хора снизу доверху в *Agnus Dei*.

За последние годы, даже десятилетия наше слышание Моцарта изменилось, но напрасно было искать тому подтверждения в интерпретации Колобова. Этот Реквием не стоял в ряду опусов, скажем, позднего Моцарта. Или литургической традиции XVIII века. Или цепочки Реквиемов всех времен. Скорее — в ряду Прелюдий и фуги Баха—Луно, Пятой симфонии Бетховена (с непременным «стуком судьбы»), Шестой Чайковского, «Смерти Озе» Грига и «Бра-

зильской бахианы» Вилла-Лобоса. Стоял, ничем из него не выделяясь. В трактовке Колобова не было ни следов стилистических изысканий, ни хотя бы современного глянца. Это исполнение словно благополучно дошло до нас из тех времен, когда собственно перед слушателем Реквиема нужно было непременно узнать историю про черного незнакомца. И легко представить его на пластинке с невзрачной этикеткой, в бумажном конверте с дырочкой посередине, на полке в универсаме рядом с духами «Ландыш серебристый» и одеколоном «Шипр».

Наше легкое разочарование должно, впрочем, померкнуть перед лицом реальности. Исполнение встретило горячий и в то же время достойно сдержанный прием. Maestro не был опущен; возложив цветы к портрету в углу сцены, он вернулся за пульт, чтобы повторить *Lacrimosa*, заново подтвердив за одной из частей заупокойной службы звание слезливого хита. Правда есть правда: Евгений Колобов входит в число безусловных фаворитов московской публики, и на любом его выступлении — в том числе и на описанном — зал бывает забит до потолка. Как когда-то на Рихтере.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ

«Новая опера»
Рихтер "Новая опера"